

общества, а не в “национальном характере” убыхов, лежат причины их упорства, стойкости, непримиримости и храбрости в борьбе с русским царизмом» [152, с. 146]. А храбрость убыхов была изумительна. Примеры ее не раз будут приведены ниже. Здесь мы ограничимся некоторыми замечаниями отдельных авторов. Так, иногда убыхов скромно называли «очень энергичным» племенем [63, s. 342]. Иногда же дело доходило до опоэтизирования, например: «Гордое и мужественное, здоровое и крепкое племя» [3, № 70], или «В нашей кавказской армии убыхи считаются храбрейшими из горских племен; их очень уважают за неустрашимость и непоколебимое мужество <...> Против убыхов нельзя делать шуточных экспедиций <...> с ними шутки плохи. Это львы в драке <...> Убыхов называют рыцарями гор» [136, май, с. 310–311]. И таких характеристик в кавказоведческой литературе можно найти очень много.

Язык и идеология

Если убыхи своим социальным строем и материальной культурой мало отличались от своих иноплеменных соседей, то в лингвистическом отношении это отличие было ярко выраженным. Убыхи говорили на особом языке, и это является основной причиной считать их отдельной народностью. По известной классификации акад. Н.Я. Марра, этот язык относится к «понтийской приморской двухбассейной ветви» спирантной ветки яфетической системы [103, с. 19]. В эту же группу входят еще два адыгейских (нижне-черкесский, или кяхский, и кабардинский), абазинский и абхазский языки. Причем язык убыхский занимает среднее место между адыгейскими, с одной стороны, и абазинским и абхазским — с другой. В фонетическом отношении он стоит ближе к двум последним, чем к адыгейским [50, s. 415].

О фонетических трудностях, встречающихся при знакомстве иноземцев с этим языком, сами убыхи рассказывали А. Дирру сказку, как послал один шах ученого человека изучать все языки мира и как через пять лет этот ученый продемонстрировал перед шахом свое знание разнообразных языков. Шах спросил: «Что у тебя лежит за плечами в мешке?» Ученый потряс этим мешком, и там застучали камни. «Что это такое?» — спросил шах. «Это, — следовал ему ответ, — убыхский язык» [49, 4, s. 110–111]⁸.

Как бы то ни было, но теперь, после работ П. Услара, А. Дирра и Ж. Дюмезиля, мы можем с полным правом утверждать, что убыхский язык по своей фонетике и грамматике относится к яфетической системе языков. Все предположения о том, что убыхский язык является остатком аланского или древнееврейского, оказались неосновательными.

⁸ Подобные же легенды существуют и в среде соседей убыхов — черкесов и абхазов.

Мы не будем излагать фонетики и грамматики убыхского языка и отсылаем всех интересующихся ими к специальным исследованиям вышеназванных авторов. Мы отметим лишь один любопытный факт: в первых по времени записях убыхского языка, сделанных в XVII в., вскрывается оригинальная система построения числительных. Если в XIX и XX вв. в убыхских числах второго десятка единицы идут за десятками, то в XVII в., оказывается, было наоборот [22, с. 21]. Это тем более странно, что ни в абхазском (с абазинским), ни в черкесском (с кабардинским) такого явления не зарегистрировано [18, с. 109–116].

Убыхский язык уже в XIX в. переживал глубокое разложение. Население было по меньшей мере двуязычным, причем родной язык лучше сохранялся в горах и значительно хуже — на побережье, где сильнее действовали влияния асадзуа, шапсугов, натхуаджей и турок. По сообщению Л. Люлье (1846), убыхский язык бытовал лишь в среде рядовых общинников (и то, как видно, не среди всех), в то время как местная племенная знать больше пользовалась черкесским языком, а живущие поблизости асадзуа — абхазским [97, с. V]. Л. Люлье также прямо говорит, что убыхский язык со временем может совсем исчезнуть [97, с. V; 95, с. 15]. Ф.Ф. Торнау не мог познакомиться с убыхским языком по той причине, что те убыхи, с которыми ему приходилось встречаться, употребляли черкесский язык [143, ч. I, с. 116]. Автор статьи «Горские племена, живущие за Кубанью» также замечает, что убыхи ассимилировались с соседями, приняли черкесский язык, который употребляют чаще, чем свой, причем население округа Сочи он считает смесью абхазов, убыхов и черкесов.

Сложный процесс этнического скрещивания, распада убыхской общности и вытеснения своего языка языком соседей замечался целым рядом авторов. Например, по словам Дж. Белля, границы прибрежных племен смешаны [13, с. 370]. Тот же Ф.Ф. Торнау, считая население округа Сочи преимущественно абхазским, в то же время находит нужным заметить, что там проживали «отчасти» черкесы и убыхи; в округе же Вордане, по его сведениям, население убыхско-шапсугское [143, ч. I, с. 115]. Мы имеем ряд свидетельств о том, что прибрежная полоса, особенно округ Вордане, как и прибрежная полоса всей Малой Шапсугии, имела значительный процент натхуаджского населения.

Неудивительно, что язык маленького народа в таких условиях претерпевал значительное разложение. По словам соседивших с убыхами хакучей, убыхи, владея и черкесским языком и своим, больше пользовались первым, а второй употребляли в тех случаях, когда хотели законспирировать свой разговор от присутствующих черкесов [8, с. 142]. П. Услар, констатируя факт разложения убыхского языка в XIX в., писал: «Убыхский лексикон включает в себе множество слов адыгских и абхазских,

слегка лишь переименованных, и в этот разряд иноязычных слов входят названия для самых обыкновенных понятий, например: человек, женщина, лошадь и т.п.» [148, с. 82].

Но, несмотря на отмирание языка еще в XIX в., в 1913 г. А. Дирру удалось сделать в Турции записи убыхских текстов, а в 1930 г. дополнил их Ж. Дюмезиль. Правда, оказалось, что современное убыхское население (в Турции) уже трехязычно: говорит по-турецки, по-черкесски и по-убыхски [49, 4, с. 67].

После всего сказанного не приходится удивляться той огромной путанице с определением границ Убыхии и этнической принадлежности ее населения, которая существовала в литературе и, как оказалось, в памяти соседних с убыхами стариков Шапсугии [86, с. 130–131].

Очевидно, мы не ошибемся, если скажем, что само трафаретное деление убыхов на три части или округа (Сочи или Саше, Вордане и собственно Убых) не имеет в себе другого смысла, кроме деления Убыхии (в первую очередь ее племенной знати) на три различно политически и культурно ориентирующиеся группы: на Сочи господствует абхазо-асадузская, на Вордане — шапсуго-натхуаджская и в Убыхе (Верхней Убыхии) — более самобытная. Другого значения деление края на три части не имело. Ни административно, ни этнически это деление не существовало.

В XIX в. разлагались не только убыхский язык, но и старые религиозные верования. Официально убыхи этого века были уже мухамеданского вероисповедания, сунитского толка. Благодаря своим довольно широким связям с Турцией, они глубже восприняли ислам, чем это было среди асадуза или шапсугов. Дж. Белль говорит, что в окрестностях Анапы и на Кубани преобладает ислам, от Геленджика до Псеузапе сильны следы христианства, под которое он подгоняет древние туземные верования. «От Вая (Псеузапе. — Л.Л.) до Сочи, где процветает турецкая торговля, опять преобладает магометанство. Все же старая привычка пить вино среди большей части жителей этой области укоренилась <...> Южнее Сочи опять встречаются следы христианства; в то же время внутри горной местности многие живут, кажется, безо всякой религии» [13, с. 356; ср. 89, I, с. 93].

Что на берегу моря глубже внедрился ислам, чем это было в горной полосе, можно заключить и из замечания Ф.Ф. Торнау об общине Сочи (Саше), где он побывал в качестве гостя у «князя Облагу» (т.е. Аблагуо): «Влияние турок у него в доме и на жителей селения было весьма заметно: намаз творился правильно в урочные часы, и к молитве призывал мулла, голос которого весьма редко раздаётся у абазин (т.е. асадуза. — Л.Л.), а в Медовее (т.е. Мдажвюе, где он перед этим был. — Л.Л.) никогда не слышен» [143, ч. II, с. 50].

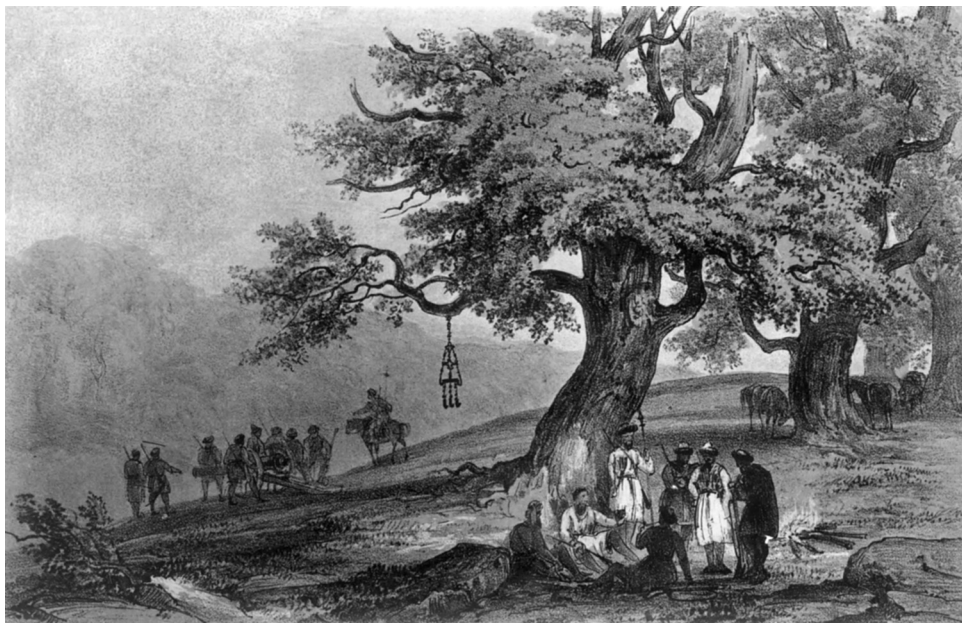

Рис. 6. Священные дубы у селения Сочи в 1830-х годах

По преданию, записанному Ж. Дюмезилем от убыхов в Турции, до внедрения ислама на северо-западном Кавказе убыхи и черкесы были язычниками. Само принятие новой веры произошло будто бы в результате того, что появился какой-то чудесный всадник, хаджирет — Али, который угрожал уничтожением всех горцев немусульманского вероисповедания. Всадник тот мог скакать по поверхности озера, а его лошадь обладала даром человеческой речи. Обращение горцев в ислам было делом этого всадника, передавшего основные догмы аль-корана. Характерно, что убыхское предание не сохранило в своей памяти даже тени сопротивления новой религии [59, р. 148–152].

Но и в XIX в. часть населения даже официально еще не была мухамеданами, не говоря уже о большинстве бывших мухамеданами лишь по имени. Древние культы Западного Кавказа были, если не так живучи, как, например, у соседних гуае, то все же и не настолько бледны, чтобы о них можно было промолчать. И недаром Л. Люлье подчеркивал, что «жители морского побережья представляли до сих пор редкий пример постоянства в своих обычаях и привязанности к прежним поверьям и обычаям. Но с некоторого времени стало превозмогать между ними магометанство, которое давно исповедуется дворянством» [94, с. 32]. Серебряков в 1852 г. писал: «Черкесы и убыхи называют себя все мусульманами, за исключением небольших обществ в горах, преданных язычеству <...> но, называясь мусульманами, они мало знакомы с догматами этой

веры <...> от язычества остались у них: поклонение священным рощам, жертвоприношения и некоторые празднества» [6, т. X, с. 234; ср. с. 233].

Домусульманские верования убухов нам очень плохо известны. Мы знаем лишь обрывки магических запретов и действий и несколько сообщений о бытовавших в сознании народа божествах.

Когда в походе какой-либо воин тайком от других съедал свой запас продовольствия, это считалось предзнаменованием военной неудачи. По возвращении с удачного набега, прежде чем приступить к дележу добычи, один из старых воинов громко читал импровизированную благодарственную молитву вроде следующей: «Боже великий! Благодарим тебя за дарованную нам победу и за хорошую добычу, и вперед просим твоего покровительства» и пр. Когда нужно было сообщить кому-либо, что его родственник взят в плен или погиб в походе, то не полагалось произносить слово «убит» или «пленен». Вместо этого один из воинов, приблизившись к соответствующему дому, становился на высоком месте и, вызвав кого-либо из дома, спрашивал «Вернулся ли такой-то?». Эти слова не требовали ответа, а были лишь формой сообщения о гибели или пленении [66]. У постели раненых или больных с переломами костей обычно устраивались танцы и пение [13, с. 388–389], которые своим шумом и произносимыми магическими терминами и формулами должны были отогнать злых духов, по мнению убухов, мучивших больного. Покойников своих убухи хоронили неглубоко в земле и на могилах накладывали камни [115, № 12, с. 346] (как и в других районах горного Кавказа). Но нам известны факты XVII в., которые говорят о наличии в свое время погребений на деревьях. Гроб с покойником помещался наверху высокого дерева, причем в гробу над лицом оставлялось отверстие для того, чтобы, как говорили жители, покойник мог видеть небо [22, с. 18]. Похороны на деревьях в начале нашей эры были широко распространены по всему Западному Кавказу.

Помещение покойника на дереве может быть объяснено тем, что сами деревья считались священными. Культ дерева известен у многих народов Кавказа; он же существовал и у убухов. Когда царские войска в 1839 г. высаживали десант в устье р. Шахе, то убухи оказали упорное сопротивление не только потому, что этот десант был одним из шагов к уничтожению убухской независимости, но еще и потому, что на месте высадки находился священный лес. Когда царские корабли прибыли к берегу, им представилась такая картина: горцы стояли на коленях перед вековыми деревьями и молились. И любопытно, что в этом молении участвовали муллы. Другое такое место со священными деревьями находилось на горе у устья р. Сочи, которое было зарисовано Дж. Беллем и воспроизводится у нас на рис. 6. У дерева, по словам Дж. Белля, были могилы, а на одном из дубов висел железный крест и различные жертвенные вещи-

цы, разрушающиеся от времени. Судя по рисунку, к кресту прикреплены железные крючья, служившие, по всей вероятности, для подвешивания приношений (возможно, и мяса). В 1838 г., когда Дж. Белль осматривал священное место, уже никто не приносил жертв, но еще незадолго перед этим их приносили. Почитание священного места и крестов еще было значительно распространено, и, в частности, их очень чтит Али-Ахмет Аблагуо [13, с. 395, 424].

В среде убыхов когда-то в старину существовал культ змеборца Магу, известный соседним шапсугам, а также на самом юге Закавказья, и (в форме солнечного божества) ингушам [86, с. 134]. О существовании этого культа в среде убыхов говорит легенда, которую читатель найдет ниже. Здесь же следует лишь заметить, что Магу считался предком одной из фамилий (кажется, Чизе-Могуа или, быть может, правильнее — Чизе-Маго?); кроме того, интересно, что местом пережиточного культа Магу являлось устье р. Шахе, к которому был приурочен и культ скотоводческого божества — Ахын.

Хотя рыболовство в XIX в. и не играло в хозяйстве убыхов (да и их соседей) почти никакой роли, но культ рыболовного божества моря бесспорно существовал пережиточно. В более ранние века рыбная ловля, очевидно, занимала более видное место в хозяйстве Западного Кавказа. Черкесы верили в существование большой рыбы Кордеш (*Къуэрдэш*), или Кодеш (*Къуэдэш*), которая будто бы удерживает море в своих берегах. Кодешу молились перед отправлением на рыбную ловлю. Местами поклонения этому божеству служили отдельные мысы, которые на картах обычно назывались Кодос, Кодош, Кодес и пр. У шапсугского селения Малое Псеушко (по-шапсугски — *Псеушхуэ*, т.е. «место приношения Кодешу») также, очевидно, было святилищем этого божества. Так как и некоторые убыхо-асадузаские мысы имели то же название, мы склонны видеть в этом факте свидетельство о распространении этого культа и среди убыхов. Мы особенно обращаем внимание на свидетельство патриарха Паисия, который посетил в 1658 г. один из джикских Контози (т.е. Кодеш). Джихами в его времена могли называть специально убыхов (об этом см. ниже). Паисий нашел на мысу Кодеш высокий четырехгранный каменный столб с каменным же верхом (головой?). У этого столба находились бронзовое изображение Георгия Победоносца, а также рога животных, якоря и другие вещи. Уносить из этого священного места нельзя было ничего, так как, по представлениям местных жителей, за это божество покарает виновного смертью [133, кн. 1, с. 12–15]. Имея в сообщении Паисия священное место на мысе Кодеш, священный каменный столб на Кодеше и в числе приношений столбу — якоря, мы можем утверждать, что перед нами бесспорно культовое место поклонения рыболовно-морскому божеству Кодешу. Кроме того, наличие каменного

столба в этом месте позволяет нам сделать предположение: не является ли столб изображением рыбы или дракона? Иначе говоря — не есть ли он то же самое, что и южно-кавказские вишапы? Но это только вопрос.

Охота имела своего покровителя Мезытха (*Мэзытхьэ*), имя которого расшифровывается из черкесского языка — «бог леса». Под этим названием известен покровитель охоты убыхов, черкесов и абхазов [45, т. IV, в. I, с. 99; 102, IV, в. I, с. 135]. По словам А. Дирра, убыхи считали покровителем охотников божество Тлепш (о нем ниже), но в то же время знали и Мезытха, которому поручено стеречь дичь и назначать по собственному выбору для охотника жертву [48, с. 495].

Кажется, распространены были верования и обряды, связанные со скотоводством. Существовал обычай, по которому всадник, проезжая мимо стада, если он не хотел обидеть хозяев стада, должен был медленно проехать и, кроме того, произнести: «Да множится стадо» [13, с. 430]. У соседних черкесов божеством-покровителем скотоводства считали Ахына. Центральным местом культа Ахына была священная роща на границе между черкесами и убыхами, в долине р. Шахе. Бесспорно, культ этого божества был общим у черкесов и убыхов. В одном убыхском предании, записанном Ж. Дюмезилем, Ахын (*Ахын*) изображается могучим и ловким скотоводом, перепрыгивающим с горы на гору, опираясь на свою палку. По этому преданию, Ахын — прародитель убыхов. Фигурирующие в предании служанки Ахына — Джебжин и Гвагун (*Джэбжын* и *Хьвагун*) [59, р. 154–161], по всей вероятности, также персонажи пантеона божеств. Мы не имеем этих имен в системе божеств черкесов и абхазов.

Кроме того, убыхи верили в существование божества — покровителя кузнечного ремесла, которого они, по словам А. Дирра, именовали черкесским термином Тлепш (*Тлэпш*, у черкесов же собственно *Тлэпшыжь*). Его представляли убыхи хорошим кузнецом и хорошим охотником [48, с. 495].

Туземным названием аллаха был термин (*wobyu*). Во времена дому-сультманские под этим могло выступать какое-либо местное божество. Характерно, как справедливо заключает акад. Н.Я. Марр, что убыхский (*wobyu*) легко увязать со сванским богом (*wob*), мегрельским названием пятницы (*wobi шца*) и даже абхазским богом-подателем дождя, богом грозы *aф* [102, с. 129].

Все то небольшое, что мы знаем о древних убыхских культах, не дает нам права выделять верования этого народа из старых религиозных воззрений соседних абхазов и черкесов. Причем названия божеств в большинстве случаев были те же, что и у черкесов.

Но кроме старых туземных культов имелись у убыхов некоторые явно христианские наслоения. Эти христианизмы составляли лишь минимальную долю в системе верований. Дж. Белль несколько раз упоминает

о крестах, которые он встретил в Убыхии. Одни из них стояли на земле (очевидно, каменные), другие подвешивались к дереву (как изображено на рис. 6 — это железные) и третьи — золотые, кажется, были носимы. Когда в 1838 г. некоторые из убыхов подняли вопрос об удалении трех крестов на Сочи (двух висевших на дереве и одного наземного), то из-за этого произошел горячий спор среди населения. Причем на стороне отстаивавших неприкосновенность крестов был и «подозреваемый в язычестве» местный ахы Али-Ахмет Аблагуо, названный в книге Ф.Ф. Торнау «ревностным мусульманином». Вмешательство Аблагуо спасло кресты от разрушения [13, s. 395–396, 424].

Народное искусство убыхов было представлено, главным образом, фольклором, музыкой, танцами, джитовкой, расшиванием материи и кожи галуном, нитками и кожей. К искусству же следует отнести и красноречие. Но сведений об этих видах искусства почти не сохранилось.

Так, из области фольклора до нас не дошло ни одной песни, хотя указания на их существование в литературе имеются [160, с. 14]. Сказки, легенды, предания записаны были от убыхов Турции уже в наше время, и мы имеем все основания предполагать, что под убыхским фольклором преподнесены А. Дирром и Ж. Дюмезилем общий фольклор черкесов, убыхов, абхазов и других горцев, живущих в современной Турции. Из старых убыхских легенд, записанных еще до выселения в Турцию в 1864 г., нам известны лишь три. Одна из них приведена в книге Дж. Белля и рассказывает о запретном кладе, который находится под стенами старинных руин на Сукукхе. Кто бы ни пытался разрывать клад, всегда не мог довести это до конца, так как выползали какие-то страшные змеи, слышались таинственные звуки, появлялись различные ужасы и пр., которые пугали роющего, и он вынужден бывал отказаться от своего предприятия [13, s. 370]. Другая легенда приведена также у Дж. Белля. Он говорит: «Мне рассказывали о морском чудовище, которое выходило из моря и было убито предком благородной фамилии Магу в Субеше, в награду за что на вечные времена были предоставлены торговые пошлины с этого укрепления, а также с двух последних. Существует два традиционных рассказа об этом происшествии. Согласно одному, этот Магу поволок горячего молодого быка под дуб, который (т.е. дуб) еще долго в воспоминание этого геройского поступка считался священным и пень которого недавно еще был сожжен; в то время, как это чудовище боролось с быком. Магу вскочил на него (т.е. на чудовище) и блестящей своей шашкой разрубил его на куски. Описание чудовища теперь уже не существует» [13, s. 651]. Сопоставляя этот рассказ с шапсугскими вариантами, мы имеем в «чудовище» образ дракона или змея. Третья легенда приведена в записках П. Невского. Она интересна тем, что является своеобразным убыхским вариантом сказаний о Прометее. Позволим

себе привести ее в том виде, в каком ее воспринял П. Невский: «На одной горе есть провал (пещера?), ведущий в недра горы, в волшебный чертог — из золота, бирюзы и камней драгоценных; где на роскошном ложе покоится прелестная окаменелая дева; а посередине пылает костер, на котором жарится злой дух, терзаемый страстью, осужденный пророком на вечные мучения за обольщение и похищение с небес одной из его гурий. Сладострастный черт издавал по временам страшные жалобные стоны, потрясавшие скалы. В горах являлись иногда любопытные джигиты, желавшие поглядеть на спящую красавицу, взбирались на гору, подходили к кратеру и, как только осмеливались заглянуть в мрачную бездну, тотчас же обращались в камень. Когда наши жены узнали свойства этой страшной горы, то разными женскими уловками старались посылать туда своих простаков-мужей, чтобы на свободе погулять с любовниками <...> Чего не сделает нечистая сила, называемая женщиной!» [109, № 100]. В этой легенде, по-нашему, сочеталось два мотива: красавица, которую стережет сверхъестественное существо (дракон, у нас — черт), и мотив Прометея. Из записанных А. Дирром и Ж. Дюмезилем преданий мы лишь некоторые можем отнести бесспорно к убыхским. В этот разряд попадает легенда о происхождении убыхов, которую мы приводим в главе древнейших сведений.

Танцы, по А. Фонвиллю, сопровождалась аккомпаниментом песни, исполняемой присутствующими. Такт танца поддерживался, как и везде на Кавказе, коллективным хлопаньем в ладоши. О напевах автор говорит лишь, что они «довольно монотонны» и «весьма оригинальны». Вот и все наши сведения об убыхской музыке! «Танцовщицы, — говорит А. Фонвилль, — держа в каждой руке по фуляру, с необыкновенной грацией махали платками, изгибаясь всем станом в такт <...> напева <...> Все достоинство танцев девушек заключалось в том, что они выказывали при этом всю прелесть их форм и необыкновенную гибкость их стройных талий» [160, с. 14].

Кроме таких, чисто женских, существовали танцы коллективные, совместные с мужчинами. Все брались за руки и вытягивались в одну длинную линию, «затем, попрыгивая и подпевая в такт, они начинали выделять самые эксцентричные кубреты» [160, с. 15].

Большим почетом пользовались джигитовки [160, с. 15; 143, ч. II, с. 51], приобретенные на Кавказе характер искусства.

Расшивание галуном, нитками, материей или кожей производилось женщинами. Это было прикладное искусство. Главным образом оно применялось к праздничной одежде и обуви мужчин и девушек [160, с. 14]. Характер орнамента нам не известен.

Народные собрания свободных общинников вырабатывали искусных ораторов, пользовавшихся широкой популярностью. Очень харак-

терно, что исследователи подчеркивают особенное развитие ораторских способностей у племен черноморского побережья. Для развития этих способностей почвой были народные собрания не знавших княжеской власти племен.

Древнейшие сведения об убыхах

Кавказское побережье Черного моря очень рано было заселено человеком. Археологические работы, проведенные старшим научным сотрудником Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР С.Н. Замятниным, констатируют наличие раннепалеолитических культур в Абхазии, Сочинском и Туапсинском районах. Им найдены орудия типа мустье и даже ашеля. Раннепалеолитические находки, между прочим, обнаружены по рекам Мзымта, Кудепста и Хоста. Он же нашел позднепалеолитические памятники в этом районе. Если неолитическая культура на побережье еще плохо выявлена, то этого нельзя сказать об эпохе бронзы. В Абхазии под руководством академика И.И. Мещанинова открыта Кобанская культура в погребениях долменного типа. Долмены известны и на территории исторической Убыхии. Так, зарегистрированы: у селения Головинка — один [144, с. 175]; много долменов по ущелью р. Шахе, в особенности около урочища Старый Кичмай и при устье р. Бзычь [8, с. 137; 141, с. 78]; на р. Куопсы — один [105, с. 85] и на Красной Поляне — четыре долмена [54, с. 173–176; 141, с. 78].

Из сказанного можно сделать вывод, что человек обитал на Черноморском побережье Кавказа с древнейших времен. Напомним, что ашель обычно относят ко второму межледниковому периоду.

Убыхи рассказывают о своем происхождении легенду, будто они произошли от сына скотоводческого бога Ахына (Ахын) и его шелководской красавицы-жены. Подосланные от русского царя хитростью уничтожают Ахына и крадут беременную жену. Царские слуги искусственно вызывают у нее преждевременные роды, но дитя не погибает, так как слуги Ахына поддерживают его жизнь тем, что согревают его, вкладывая внутрь зарезанного барана, все время меняя последнего. Потом малютку согревают в конском навозе и, таким образом, спасают ему жизнь. Ребенок оказался истинным джигитом, который семи лет уже выкрадывает у русского царя свою мать [59, р. 154–161].

Записанная нами в 1930 г. шапсугская легенда говорит о трех родных братьях Шапсуге, Абдзахе и Убыхе, живших на мифической прародине в урочище Тубы (в верховьях р. Белой). Когда им стало тесно, то Абдзах пошел на север, Убых — на юг, а старший брат — Шапсуг — на запад. От этих трех братьев, по словам шапсугов, и произошли шапсуги, абдзахи и убыхи [86, с. 128–129].